

Дорожная тетрадь 1

(д.т.1)

В. М. Чистякова

планета
Земля

2013

Издание Дорожных тетрадей – это попытка автора закрепить права на собственный мир, никем и ничем не отредактированный.

Отпечатано по оригинал-макету, разработанному автором.

р

Д о р о ж н а я
т е т р а д ь
1

Эпиграф

*Прощанье с прошлым длилось вечно:
Глаза порóшил ветер встречный,
Я натыкалась бесконечно
На всевозможные углы.*

*А жизнь текла. И безупречно
Вставало солнце, и беспечно
Резвились дети, и над речкой
Цвели сады...*

С л е д у е т з а м е т и т ь

Пытаясь привести в порядок дела, я обнаружила у себя много записей разного толка, разбросанных по тетрадям, блокнотам, листам, бумажным обрывкам. Наспех записанные мысли эти высветили из темноты времени мои состояния, застывшие в мгновениях. Нанизанные на хронологию от дней сегодняшних вглубь прошлого, они неожиданно стали нитью Ариадны в лабиринтах лет.

Записи эти – отголоски тех музыкально-поэтических настроений, которые, неведь почему, внезапно врываются в мою повседневность и начинали терзать меня, требуя немедленного выхода, грозя взорвать. Но, не имея ни времени, ни способностей облечь их в звук, в цвет, в действие, в движение (куда они действительно просились), я лишь иногда могла пригвоздить их к бумаге словами, диктуемыми в тот момент, – жалким подобием того, что звучало. Разве можно пересказать музыку, танец, живописное полотно, театральное действие?

Эти неодетые мысли были как соринки. Выплеснутые на белый лист, они приносили об-

легчение. Становилось светло, просторно и чисто, как в доме со свежeweымытым полом.

Написанное нельзя отшлифовать, как нельзя переделать мгновение, не убив его. Оно даётся нам или сразу набело, или только начерно – когда как...

Издание первой части «Соринок в неглиже» под псевдонимом В. Трилистник в 2000 году было первой попыткой сохранить и закрепить за собой права на собственный мир, пока он никем и ничем не отредактирован.

Прошло несколько лет. Мой архив пополнился новыми записями. Наступило время опубликовать под своим именем всё, что у меня имеется на сегодняшний день. Тем самым поставить точку в наведении порядка среди вороха надиктованных музыкой слов.

«Соринки в неглиже» – эти разрозненные записки, нанизанные на хронологию, уместились в три Дорожных тетради. Причём, в одну из них отдельно выделены и вынесены те мгновения, которые до сих пор сохранили свою основную мелодию.

31 декабря

Поляна в глубине зимнего леса залита лунным светом. В снежном безмолвии причудливо застыли в танце выскочившие на неё тоненькие деревца, разодетые в изморозь. На лапах елей по опушке мерцали свечи, серебристо искрясь в снежинках. Прозрачность, хрупкость, музыка. Картина, изображённая на правой створке закрытой двери, могла принадлежать кисти самого Чюрлёниса.

На левой створке – библейский сюжет: закат, пустынная равнина, у одинокого камня лицом к зрителю стоит пастух, указывая посохом, что-то объясняет страннику. Судя по торжественному выражению старца, он говорит важное. Не о рождении ли Христа возвещает он? Неподалёку пасутся овцы. Картина, выдержанная в пастельных тонах, могла бы принадлежать кому-нибудь из великих художников эпохи Ренессанса.

Я лежала на кровати у самой двери в пальто, в шапке и в валенках, укрывшись одеялом, дрожа всем телом. Под свитером на животе лежал пузырь со льдом. Пытаясь уйти от болей, я переводила глаза с одной картины на другую. Созданные трещинами, пятнами, неровностями старых промёрзших дверей, раскрашенные лунным светом, тускло пробивавшимся сквозь

заиндевелое окно, и оживлённые моим воображением, они в краткие минуты отдыха от болей очаровывали и завораживали меня.

В узкой маленькой келье, приспособленной под палату, впритык стояло девять кроватей. Больные тяжело спали. Парок струился от их дыхания. За окном трещит мороз, градусов под сорок, если не больше.

Вот я и снова здесь, спустя тридцать с лишним лет, в той самой больнице, что отравляла мне жизнь в отрочестве. **Всё возвращается на круги своя.** Старинное кирпичное здание с провалившимся полом, дырявой крышей, насквозь промерзшее, погребено в сугробах. Глухо стонут над ним сосны. А где-то рядом в лесу под снежным одеялом покоятся последние приюты землян, ушедших от нас. Мама, её покой летом скрашивает лесная земляничка, а зимой – серебристая белочка, живущая на её сосне.

Мне как прежде больно и одиноко у себя на родине.

Стоит новогодняя ночь. Всё пространство вокруг заполняется пронзительным романсом Георгия Свиридова к пушкинской «Метели», и я растворяюсь в нём.

24 августа

Августовский серый вечер. Уныло моросит дождь. В избушке тепло, печально, безмятежно. Читаю, купаясь в светлом книжном мире, снисходительно бросая взгляды в окно. Идти никуда не надо. Шесть часов вечера, но от дождя сумеречно. Стоит глубокая тишина, чуть разбавленная ненастьем. Дачи опустели, я, похоже, осталась одна. Уютно в такой вечер сидеть за интересной книгой, неторопливо и вдумчиво смакуя её волшебный напиток. Немного нездоровится, но, как всегда в такую погоду, я в ладу с собой и природой, как будто душа моя гармонично настраивается лишь на этот лад.

Неожиданный стук в дверь. Вздрагиваю, удивлённая, нехотя иду открывать. Знакомая по даче, с которой мы простились на зиму неделю тому назад. Удивление возрастает, так как должно было произойти что-то необычное, чтобы в такую непогоду увидеть её. На даче! Вечером! Пришедшей ко мне! Невероятно!!! Вечная, постоянная, трепетная забота о своём здоровье сделали её буквально тепличным существом. На даче её можно было увидеть только в тёплые, безветренные, солнечные дни.

Мы с ней были мало знакомы, хотя одно время наши дачи находились по соседству, и я невольно знала многое из того, что для других

было за семью печатями. Она жила с мужем и внучкой. Для всех это была интеллигентная, уважаемая семья. Но скрытая драма их жизни разыгрывалась у меня на глазах, где волею случая мне приходилось быть незримой, молчаливой свидетельницей неблагоприятных поступков её мужа.

Ни он, ни она об этом не догадывались. Я вела замкнутую жизнь. Меня редко кто видел, из дачников я ни с кем не встречалась, не была с ними знакома. Моё одиночество меня устраивало, и я всеми силами старалась сблизиться с ним, свято охраняя от посягательств кого бы то ни было с тех самых пор, как я здесь появилась.

При редких встречах я видела её живой интерес к себе, но пыталась не сближаться. Мы перекидывались двумя, тремя учтивыми фразами, радостно открывая общие взгляды и вкусы. Но на этом и останавливались.

Это была стройная голубоглазая моложавая женщина, корректная и вежливая. Приветлива со всеми, внимательна, добра, но, как все женщины, любопытна, хотя её безупречное воспитание наложило своё вето и на эту черту. Она держалась гордо и благородно, достойно неся свой крест: с любовью исполняла сложную роль бабушки, покорно – серую роль домохозяйки; и горько страдала от роли жены изменявшего ей мужа, который не видел в ней женщину. Смер-

тельно раненная, она никогда не подавала вида, и в разговорах с ней я обходила эти острые углы. Она была начитанной, утончённой натурой, хотя и скованной условностями. С ней интересно было общаться, но виделись мы редко, а с тех пор, как я переехала в другой дачный домик, мы встречались ещё реже.

И вот теперь она стояла передо мной. Я ещё не полностью вернулась в реальность из прочитанного и, растерянная от визита, замешкалась пригласить её войти. Так мы и застыли: я в двери веранды, она – на улице, под зонтиком. Видимо, на моём лице, кроме тупого удивления, ничего не было написано, так как она заторопилась объяснить своё появление.

Оказывается, они только что из города. Её мужу захотелось порыбачить. Он уже уехал на рыбалку, а она пришла узнать, как мне здесь живётся. И деланно весёлым видом, как бы вскользь, обронила бодрящим голосом, что у неё сегодня день рождения, круглая дата. А в больших голубых глазах бездонная тоска по ушедшей молодости, по прожитой жизни, где не была востребована и испита до дна любовь – а теперь уже поздно. И как трудно примириться с этим, особенно в день рождения, когда ещё острее хочется быть любимой, желанной, единственной.

Эта душевная непогода и толкнула её в дождливый вечер в поисках тепла, внимания, сочувствия, нужности. Несколько возбужденно она продолжает говорить о чём-то незначительном, держась достойно, пытаясь шутить – а взгляд с немой мольбой о помощи, и ни единого звука жалобы.

Я молчу, потрясённая такой благородной обнажённой души. Не могу подобрать слов, боюсь ещё более ранить. Боже, как мы скупимся и не умеем сказать другому доброе, нужное.

С трудом, медленно, неловко я начинаю выдавливать из себя подходящие слова, глаза её постепенно теплеют. Её душевная напряжённость уже стала спадать, но, видимо, я допустила лишнюю нотку, так как она вдруг поняла, что я не только догадываюсь о её состоянии, но и вижу всю, как на ладони, и искренне сочувствую ей. От своего подозрения она вспыхнула, как зажжённая свеча, и поспешила откланяться. Сделав шаг, другой, обернулась и потеплевшим голосом сказала серьёзно: «Спасибо за всё! Рада была вас видеть».

Она ушла, а мне хотелось немедленно разыскать её мужа и набить ему физиономию. Как мог этот чурбан оставить её одну в пустой, тёмной, сырой избушке, среди леса, морозящего дождя, пустых дач. Толстый, неуклюжий исту-

кан, неужели он не видел, как ей зябко и одиноко.

Я не находила себе места, её молящие глаза стояли передо мной. Как доказать этому замшелому пню в образе мужчины, что жена его – женщина, а не просто домохозяйка, и что только он один может снова зажечь глаза её, её сердце, её душу.

Как и чем пронять этот пенёк? Да и имею ли я на это право, удобно ли? Здесь необходим такой тонкий такт, чтобы и её гордость не пострадала, и чтобы он открыл её заново сам. Что за чудо могло бы помочь им увидеть друг друга, словно впервые? Что-то неординарное для дождливого вечера среди леса, вдали от цивилизации.

Но что?!

Розы! Нежный благоухающий букет роз был бы сейчас чудом. Это её любимые цветы. Она мне как-то говорила об этом, вспоминая первые дни счастливого замужества. Но где их взять?

Я решительно вышла из избушки: авось на ходу что-нибудь придумаю. По-прежнему моросил дождь; ни машин, ни прохожих. Я направилась в сторону деревни, которая находилась в двух километрах отсюда.

Улицы были пусты, пришлось постучаться в первый же дом. Часа через полтора, взбудоражив всех деревенских собак, посеяв среди мест-

ных жителей подозрения, я стояла на другом конце деревни в глубоком раздумии. Как я и предполагала, розы здесь были в такую же диковинку, как, например, икра заморская баклажанная на древней Руси.

Я стояла уже вся отсыревшая, но дождь почему-то всё равно шёл. Я не могла ни на что решиться. Я не желала возвращаться без чуда, не хотела мириться с мыслью, что оно мне неподвластно.

Вдруг откуда-то передо мной возник мужчина, во мне взбунтовалась женщина, и я вылила на него всю горечь поражения. На удивление, он вызвался помочь, привёл к старушке, знавшей в деревне всех и всё. Сжалившись, она указала дом одного чудака, выращивающего розы, где от её имени меня примут и выслушают. Всё остальное зависит от меня.

За восхищение оранжереей, хвалебные речи и хорошее вознаграждение мне позволено было самой составить букет из чайных роз. Имея чудо в своих руках, прощаясь с милым чудаком, я благодарила и кланялась, кланялась и благодарила. Он казался мне самым чудесным человеком, с кем мне приходилось встречаться.

Я неслась по бурлящим лужам, бережно прижимая под дождевой накидкой свою драгоценную ношу. Сомнения, терзания по поводу того, то ли я делаю, отлетели прочь. Во мне всё

пело, звенело, ликовало. Я пронзительно любила весь мир.

Когда я подходила к их домику, был девятый час дождливого вечера, и я боялась, что они спят. Но в домике горел свет. «Лишь бы на стук вышла она», – с замиранием сердца подумала я и постучала.

Увидев меня, стоящей под проливным дождем, в столь поздний час пришедшей к ним, она опешила, не зная, что подумать. Я попросила разрешения войти. На шум в освещённую веранду вышел её муж. Извинившись перед ними за позднее посещение и без приглашения, я достала из-под накидки букет и протянула ей, поздравляя.

Глядя на розы, она изумленно отшатнулась, а когда поняла, что они предназначены ей, озарилась благодарностью. Голубые глаза лучисто засияли, на щеках появился смущённый девичий румянец, губы заалели.

Я говорила самую проникновенную речь, какую мне когда-нибудь приходилось держать.

Искоса поглядывая на её мужа, я видела, как он не отрывает от неё восхищённого взгляда. Перед ним стояла не бабушка его внучки, не его жена, а прекрасная незнакомка.

Чудо свершилось! Я была счастлива.

Назавтра оказалось, что мой бюджет лопнул.

Что года?! Ерунда!

Ты всегда молода!
Впереди у тебя россыпь звёзд!
Снова милою быть,
Снова страстно любить,
Отдаваясь во власть своих грёз.

Устоялись года,
Как в кувшине вода,
Что струилась когда-то с горы.
Ты опять молода!
И лета – не беда!
Сладок вкус и у зрелой поры.

По велению души
Все года хороши!
Не горюй, улыбайся и пой!
Полной грудью дыши,
Свет надежд не туши,
Пусть они остаются с тобой.

У тебя ещё всё впереди,
Только душу свою береги!

31 июля

Избушка, окно, выходящее на юг.

Полтретьего ночи, лежу. Я одна
В избушке. Больная. Гляжу из окна.
Средь сосен кудрявых стоит тишина,
Сквозь них величаво звёзд бездна видна.

Заманчиво звёзды глядели в глаза,
Но **стражи из сосен** сказали: «Нельзя
Манить её ввысь голубую».

Они охраняли, ревнуя меня,
Они охраняли, ревнуя.

Они говорили: «Нельзя ей туда,
В далёкую высь голубую.
Здесь мир и покой, – говорили они, –
Пусть спит, ни о чём не тоскуя.

Там будет она вновь любить и страдать,
Увлечшись и жизнью рискуя».

Они охраняли, ревнуя меня,
Они охраняли, ревнуя.

Участливо звёзды глядят мне в глаза.
Увлечь им меня за собою нельзя,
Я к ним убежать не могу.
Здесь чуткие стражи из сосен отважных
В избушке меня стерегут.

... июля

О том, как я печку построила

Каждая метла по-своему метёт. Заломили новые хозяева дач за электроэнергию цены небывалые, но разрешили кострами пользоваться. Да не уточнили, как это делать. Проснулись наутро, глядь: ни дров, запасённых на зиму, ни кирпичей, привезённых для сауны. А вокруг у каждой избушки костры, изображающие печи, дымятся. За одну ночь посёлок в бивуак черномазых превратился. Сажа уж успела пометить всё: и посуду, и людей, и деревья.

Я не участвую в общественной жизни посёлка, поэтому либо совсем не знаю о событиях, происходящих в нём, либо узнаю слишком поздно. Вот и сейчас узрела новшество лишь к вечеру второго дня, когда на территории нельзя уже было найти ни шишки, ни кусочка коры, ни веточки. Всё было подобрано и припасено.

Мне не хотелось дружить с сажей, и я продолжала жечь электроэнергию. Дачники решили, что я миллионерша, и окончательно махнули на меня рукой.

Через неделю, посчитав какой ущерб я понесла, поняла, что вылетела в трубу непостроенной печи. Урон был так велик, что я немед-

ленно взялась за работу. Села за расчёты. Задала необходимый для двух кастрюль и двух булок хлеба объём печи. Строить, так строить. Буду хлеб печь. С ним здесь напряжёнка, в посёлке дачникам не продают – приходится возить из города. Рассчитала для этого объёма диаметр и длину трубы, чтобы и дров расходовалось меньше, и тяга была хорошая. Осталось запастись необходимым. Толстую металлическую плиту нужного размера в лесу нашла. Её я положу на траву между соснами, на ней буду печку класть, чтобы корни деревьев не повредить. В лесу и кирпичи никому не нужные оказались. А на свалке у посёлка всё остальное, что душа пожелает. Принесла всё это я, в пруду отмыла и стала печку класть.

Сначала из распределительной коробки с дверцей, что на деревенских столбах с проводами висят, и трубы буржуйку собрала. Чтобы дождь трубу не заливал, козырек поставила, да не простой: он мог дым в нужную сторону направлять в зависимости от ветра. С трёх сторон закутала буржуйку в асбест, на четвертую положила фольгу. На ней кастрюли будут стоять. Затем выложила первый слой кирпичей, поставила на них буржуйку и замуровала её так, что одна труба виднелась. Плита, на которой я буду готовить пищу, была обложена кирпичами на высоту кастрюль и сверху закрыта крышкой,

миниатюрной дверцей от холодильника. Получилась как заслонка в русской печи. Тепло зря не расходовалось. Дверцы буржуйки были в углублении, поэтому дым и сажа не могли вырваться наружу, а падающие угольки попадали прямо в совок. Всю печь я обмазала глиной. С одного бока её приступок сделала из скамейки – посуду ставить. Возле другого – крытую поленницу до уровня печи. Маленькие полешки дров нарубила из сухостоя и старых досок, что в большом количестве хранились на чердаке. Со стороны дверцы вкопала кресло, сделанное из стула, чтобы можно было и сидя руководить печкой, любуясь пламенем. Наконец, из толстой проволоки кочергу отковала.

Невольные любители сажи, дачники-аборигены, напряжённо следили за ходом работы, высказывая самые невероятные предположения. Ничем, кроме трубы, не напоминало печку это красивое, изящное, блистающее белой эмалью и чистотой глины сооружение. Тем более её дверца была скрыта в углублении, и это больше всего всех мучило. Но никто не желал ни о чём расспрашивать, дабы не унизить своё достоинство моими объяснениями.

Наступил день испытания. Встала в четыре часа утра, не уверенная в своём произведении, первенце печного искусства. Сажусь в кресло, накладываю в печку дров по всем правилам и

поджигаю замирая. О, чудо! Она ожила. Всё удалось: и тяга хороша, и дым куда надо, и сажки нет. Сижу, люблюсь, горжусь и таю от удовольствия.

К тому времени, когда рыбаки из своих домиков к берегу потянулись, я уже сидела за столом возле натопленной печки и чай со сливками и свежее испечёнными ватрушками пила. Посуда блестит, я – тоже; хлебный дух по всему дачному посёлку стелется.

Откушавши, я на целый день в лес ушла, оставив в печке молоко топиться, а на плите приготовленную пищу. Вернулась поздно, но печка меня ждала, тепло хранила. Благодать! А вкусно-то как! Да будут благословенны новые хозяева дач! А они тут как тут оба: муж с женой. Говорят, что искали меня. "В чем дело?" – спрашиваю. Они мнутя, переглядываются. А потом делают мне сногшибательное предложение: построить печь-пекарню для общей пользы.

Вот и пригодилось университетское образование, а то уже несколько лет всё никак не могу найти ему применение, хотя нас там не учили класть печи. Ошеломляюще, но эта слава не для меня.

... августа

Стоят чудесные тёплые дни последней декады августа. Опустели дачи. Редко кое-где мелькнёт кто-то среди деревьев, да одинокая лодка проскользит по поверхности пруда, и опять тишина и безлюдье.

Багрянец и позолота легли отдельными мазками на зелёную картину лета. И уже брошены к моим ногам первые листы разноцветной осени.

Я без устали брожу в окрестностях избушки, наслаждаясь красотой и покоем. Не отказываюсь и от последних даров лета, которые нет-нет, да и выложит передо мной щедрый лес.

А вчера произошёл **курёзный случай**. Я уже возвращалась в свою избушку, когда меня неожиданно настиг дождь. Найдя в малиннике среди сосен сухой широкий пенёк, я удобно устроилась на нём, накрывшись полиэтиленовой накидкой с капюшоном. Получился как домик. В нём было сухо и тепло. Из-под капюшона гляделось, как из окна.

Сильный дождь вскоре перешёл в моросящий, и вокруг моего пня стало сумеречно. Было шесть часов вечера. Шелест дождя усыплял, завораживал, и я, широко раскрыв свои зелёные

глаза, чтобы не уснуть, и уставившись в одну точку, замерла живым изваянием, погрузившись в нирвану. Я находилась в таком глубоком забытии, что не сразу среагировала на треск в кустах малины, как передо мной предстал мужичок. Увидев меня, он остолбенел, попятился. Затем крестясь и приговаривая: «Сгинь, кикимора, сгинь!» – рванул напролом через малину и исчез прежде, чем я успела глазом моргнуть или пошевелиться.

Придя в себя, я долго смеялась. И, пожалуй, это зрелище было ещё удивительнее: лес, вечер, малинник, дождь, смеющаяся женщина, сидящая на пне. Может быть, так и появляется всякая нечисть всех рангов.

На даче нет ни радио, ни газет. Сегодня я случайно узнала от прохожего о страшных августовских событиях: в Москве путч (ассоциация – Пиночет); М. Горбачев – в каком-то Форосе; Б. Ельцин – на баррикадах у Белого дома, сражается за независимость России; Мстислав Ростропович, выйдя из своего дома в Париже в банк, оказался в Москве на баррикадах, рядом с Б. Ельциным. Есть жертвы, но сторонники Б. Ельцина отстаивали свободу, слава Богу, всё позади.

Запоздалые жуть и оторопь берут меня в плен. Надо немедленно возвращаться в город.

Болотная история

Лежала я, лежала на завалинке возле избушки, июнь месяц пролетел. Земляника поспевать стала, а я всё креплюсь, в лес не иду, слово, данное эскулапу, нарушить не могу. Дачники, что ни день, то туюсок, то корзиночку с солнечными ягодками мимо меня пронесут, и такой аромат стелется – не надышишься; да и ягоды подмигивают, меня дразнят.

Решилась. С вечера тщательно приготовилась, раненько спать улеглась, раненько и встала. Часов в шесть я уже далеко в лесу была. В росе вымокла, в тумане искупалась, пока искала свою заветную полянку. Но она обманула мои надежды. Что же делать? Не возвращаться же с пустыми руками. Дай, думаю, загляну за болото, тем более я там ни разу не была.

А вот и оно. Дышит, булькает, пузыри пускает. Два огромных дерева пересекают его поверхность, теряются в неизвестности. Ступила я на брёвна и оторопь взяла, как будто сама в пасть чудовищу лезу. Но отступить гордость не позволяет, хотя мы с ним наедине. Страстно мечтая оказаться на завалинке, начинаю, словно в дрёме, в полуобморочном состоянии вперёд двигаться. Напряжённый шаг, другой, и, поскольз-

нувшись, я вместо завалинки погружаюсь по пояс в болотную жижу. Злорадно забулькали вокруг меня пузыри, уступая своё место. Под ногами нет опоры, но я – на плаву.

Ожог от холодной воды привёл меня в чувство, я огляделась и увидела, что ведёрко, висевшее на поясе, легло поплавком, а палка, за которую я держалась, одним концом – на бревне, другим – на дне перевернутого ведёрка.

Не испытываю страха – обида и унижение захлестнули меня. Чувство собственного достоинства в этой болотной жиже очень страдало. Болото ещё не поглотило меня, но уже наслаждалось победой, равнодушно созерцая мир. Я не представляла для него теперь никакого интереса.

Уязвлённая в самое сердце, я смогла выбраться, вскарабкаться на брёвна и лечь. С сожалением хлюпала возле лица жижа, с досадой лопались пузыри, источая тошнотворный запах тухлых яиц. Пора было уползать отсюда, но достойно.

Передохнув в сухом надёжном месте, я собралась уходить, бросив последний взгляд, но, увидев гигантский пикан, срезала его на память. Из толстой длинной его дудки я на досуге сделаю калейдоскоп или подзорную трубу.

Минут через пятнадцать, когда уже вышла из леса на просеку, я поняла, что несу с собой не

пикан, а болиголов. Но было поздно. Мне сделалось дурно, и я упала в траву. Очнулась от того, что меня выворачивало наизнанку. Вскоре стало легче.

Я вымокла до нитки, с ног до головы покрылась грязью, мне необходимо было привести себя в порядок. Среди высокого цветущего разнотравья я отыскала большой плоский камень, прогретый солнцем и, оставшись в костюме Евы, высушила, разложив на нём, как на печке, свои одежды.

Был полдень, палило солнце, омывая меня своим жаром, и я быстро согрелась. Опрокинутое надо мной, синело небо, меня надёжно укрывали луговые цветы и травы, кузнечики неумолчно пели колыбельную, и я задремала.

Сон освежил меня. Одевшись, я поела и решила скромно удалиться в свою избушку, не испытывая больше судьбу. Встав, я обомлела: вокруг валуна и далее, среди травы возле камней, рдела земляника, крупная, сочная, душистая, желанная. Собирать – одно удовольствие. Каждая земляничная полянка неповторима; зелёный живописный ковёр, усыпанный рубинами.

Быстро, радостно, вдохновенно я наполнила ведёрко душистыми рубинами. Благодарно выпрямилась. Сердце моё ликовало. Я вернусь в избушку с бесценным кладом, дарующим мне здоровье.

Выбираясь на тропинку, я гордо шагала среди нагромождения камней и небольших овражков, поросших кустарником. Вдруг нога моя провалилась в пустоту, и я полетела с обрыва овражка в его заросли, но зацепилась курткой за сломанный сук берёзки и повисла. Внизу, на дне овражка зиял полусасыпанный шурф, сплошь усеянный драгоценностями моего ведёрка. Висеть мне было не очень удобно, так как сук, как кол, торчал в моём правом боку. Но берёзка спасла меня.

В избушку я вползала в двенадцатом часу ночи. Темнота благоприятствовала мне.

На следующий день ноженки мои наотрез отказались службу служить. Даже с кровати не пожелали меня снести. Рученьки отекли, покрылись невиданными болячками, точь-в-точь, как две раздутые жабы, стали. Пролежала я так смиреннько около недели, благо избушку мою никто не посещает.

А через неделю я уже на завалинке блаженствовала, изредка замачивая крутым солёным кипятком пальчик правой ноги; никак не желал оживать. С лица отёчность спала, и я прежней красавицей обернулась, бледной и измождённой.

Но приключения терпеливо ждали меня.

24 июля

Будучи солнечным зайчиком, он угас вместе с ней...

Я ехала с дачи в город. Автобус был переполнен. Я сидела у окна, недалеко от входной двери. Всё было привычным: духота, толкотня, недружелюбие; примелькавшиеся лица, одежды; за окном – знакомая дорога. Не на чём было остановиться, и я погрузилась в свои думы и, видимо, задремала.

Когда подняла голову, прямо передо мной стоял стройный юноша небольшого роста. На нём была белая рубашка, ниспадающая свободными складками на тонкие облегающие брюки. Такие же складки, схваченные внизу манжетами, красиво струились по рукам. Широкий отложной воротник нежно оттенял загорелую грудь. Подобные рубашки носили когда-то моряки, художники, поэты.

Какое одухотворённое лицо! И очень знакомое?! В тёмных глазах его горели всполохи неостывшей страсти, среди бакенбард пылали румянцем смуглые щёки, буйные чёрные кудри

чувствовали себя вольготно. И весь он, зажатый со всех сторон, пока ещё был в полёте. Похоже автобус подобрал его только что. Пряный запах луговых трав и цветов, внесённый им, не мог перебить тонкого аромата изысканных дамских духов, а на алеющих губах блуждал прощальный поцелуй.

Почему мне радостно тревожно смотреть на него? Кого он напоминает? Господи, да это же Пушкин, сам Пушкин, юный Пушкин, разгорячённый свиданием! А что, если бы он, действительно, сейчас предстал перед нами – молодой, талантливый, живой, со всеми достоинствами и недостатками. Предстал бы как наш современник, а не как **подтверждённый временем гений**. Как бы мы отнеслись к нему? Думаю, всё так же. Мы ни в чём бы не изменили себе и подошли бы к нему с мерками обычного человека. Не стали бы делать скидок на то, что он уже отдан на растерзание своей гениальности, которая задана и диктует неординарные поступки, чтобы подпитывать себя. Мы бы не простили ему и этой девушки, с которой он только что расстался, подарив ей миг любви и счастья. Плату за это всю жизнь будет вносить она, у него другое предназначение.

Пожалуй, ему лучше остаться в своём времени. У нас нет устоев, ни хороших, ни даже пло-

хих, и мы снова сгубим его, только более бездарно и безлико.

Как будто припав к чистому роднику, я упибалась обществом этого юноши, ловя малейшие изменения его трепетной души. Вдруг огромная джинсовая спина заслонила его, и он исчез вместе с ней, как мираж.

Но чудо от встречи с юным Пушкиным осталось со мной.

15 июля

На даче.

Гроза прошла, парит и сыро. Всё от дождя блестит.

Двенадцать ночи, у окна раскрытого фонарь горит.

Поэзией дышу. Светло, как в полнолуние, и ни души кругом: здесь только я, фонарь, окно, распахнутое в ночь.

Все беды – прочь, болезни и усталость! Я снова жить хочу и чудеса творить.

Грозой омытая, душа моя чиста и жаждет примирения. Прощенья просит у себя самой за тяжкий сон, что длился вечность.

И вот сижу я у окна, вокруг светло и тихо, как у меня внутри. Вольготно бродят рифмы, но я их

не ловлю, пускай себе побродят. А мне уютно, как будто дома я в кругу своих. И только стоит захотеть, могу увидеть их.

Наверное, мне много лет, догадываюсь смутно я об этом, лишь тянутся года печально мне вослед. А на дворе конец двадцатого столетия, и середина лета участливо склонилась надо мной. Как ночь чудесна! И я в ладу с собой! И даже более того – томлюсь предчувствием неясного желанья, как в юности, как много лет назад.

По-прежнему горит фонарь, спокойно высветляя душу, распахнуто окно веранды в ночь.

Спят сосны мокрые, и шелестят берёзки, что посуше; трава покрыта серебром. Играя с нею, ветерок в шелках её теряясь, стыдливо убегает прочь.

Клоню я голову, нырнув в прохладу ночи, и засыпаю мирным сном: он безмятежно мне смежает очи и боль уносит, сей крылатый гном.

3 июля

Защити меня от меня самой,
Когда я пойду не той стороной,
Когда рядом не те зашагают со мной,
Когда я не найду путь к себе домой.

Приди – выйди на помощь,
Печалью согрей.
Осторожно и тихо
Проводи до дверей.

Чуть ко мне прикоснись,
Мне одной улыбнись
И во сне мне приснись.

27 июня

Пруд ждёт Вас вновь,
И лодка та скучает,
И лес печально шелестит листвою.
Он встречи ждёт, той встречи не случайной,
Что принесёт с собой покой.

Все ожиданием полны:
Костёр, пылающий на берегу пруда,
Ночь, притаившаяся рядом,

И Тальков Камень, что грустит вдали,
И невидимки соловьи,
И крайняя избушка с садом,

И молчаливо ждёт луна.
А днём - небесный океан,
Где синевы – безбрежность!-
Все ждут. А я?

А я... я посвящаю это вам:
Элегию из строф, нанизанных на нежность.

Моему юному другу плохо. Смутная тревога, что с ним творится что-то, всё растёт и растёт. Но, как и чем ему помочь, если броня внешнего благополучия так непробиваема.

Тайна, которую она привезла с собой, оказалась так деликатна, что её нельзя было касаться даже вскользь. Моя эзопова речь только насто-раживает, она замыкается. Но чувствую, что она уже изжевала всю себя, остаётся проглотить. Необходимо срочно найти способ вернуть ей уважение к самой себе, показать, что ни она, ни мир не стали хуже, что ничего непоправимого не произошло.

Ничего не могу придумать. Уже вечер, и мне нужно идти в посёлок за молоком. Ей же захотелось побыть наедине.

Сомневаясь, правильно ли я поступаю, иду и тороплюсь обратно. И вдруг отчётливо понимаю, насколько всё серьёзно. Я не должна была оставлять её одну, но не могу и вернуться, не решив проблемы.

Нужно что-то необычное. Бросаюсь в лес на поиски ромашек, которым ещё не пришла пора. Желание найти их так велико, что на одной из горок семь белоснежек сами явились ко мне. Как они свежи и чисты!

Бегу, в буквальном смысле бегу, по уснувшему лесу, на ходу сочиняя подходящий стих. Лишь бы дождалась!

Я нашла её на тёмной веранде в кресле, сжавшейся в комочек, жалкой и одинокой.

Неожиданный букет цветов, ею любимых, преподнесённый уже в свете ночи торжественно, нежно, шутливо и в рифму, всколыхнул её. И она вернулась к самой себе.

23 апреля

Недоразумение

С четырёх лет я стала читать всё, что попадало под руку, но до Чернышевского добралась

только к двенадцати годам.

Книга «Что делать?» потрясла до глубины души, если таковая в ту пору имелась. Я буквально заболела Рахметовым – женские образы меня не затронули. Немедленно и навсегда я хотела быть только им.

Жизнь приобрела смысл, а неясные очертания героя, по которому я тосковала, приобрели законченный облик.

Знакомство с Рахметовым состоялось в ночь перед пасхой. Возбуждённая и счастливая торопила я остаток ночи. Завтра, завтра я буду уже другая. Все будут думать, что я всё та же девочка. По-прежнему папа и мама не будут любить меня, так как не за что, и никто не узнает моей тайны, но когда я умру, они будут плакать и каяться, что не любили такую прекрасную дочь. Я дала себе страшную клятву, что никто не узнает моей тайны, пока я жива. Сердце сладко замирало от этого, гордость распирала меня.

На следующее утро была пасха, а значит праздник. На мне новое ситцевое платье, а впереди вольный день и моя тайна. Я задыхалась от счастья, летала и пела, хотя внешне держалась степенно, как и подобает тому, кем хотела стать с этого дня. И все поступки диктовались моим божеством, Рахметовым.

Я немедленно решила закалять свою силу воли и совершенствоваться во всём. Отказалась героически от какой-то редкой вкуснятины в

пользу других, стоически не хвасталась своим новым нарядом, пожертвовала свои любимые «чечки» одной девчонке, которая мне совсем не нравилась.

Но этого было мало. Жажда великих подвигов не оставляла меня. Гордая, независимая, свободная ходила я по двору, выискивая их. Но зеленела трава, пели птицы, синело небо, зеленела моя тайна, а для подвига не было ничего подходящего.

И никто по-прежнему не интересовался мной, не восхищался, не добивался моей дружбы. Ну и пусть. Бедняжки, они так никогда и не узнают, какой я теперь необыкновенный человек. Мне жаль их, но тайны своей я не выдам.

Волна торжества и ликования выплеснула меня со двора на простор. Мир был удивителен, но я взирала на него с высоты своего положения и панибратски позволяла ему радоваться вместе со мной.

Не было никаких преград, я могла всё. Небрежно проскочила скользкое бревно через овраг, перемахнула через частокол высокой изгороди и вырвалась на косогор. Ветер запутался в траве и отстал от меня, когда я летела с крутого обрыва к речке с тополиной рощей.

А вот и старый могучий дуб. Будет ли он также высокомерен и недоступен, как всегда? Великан покорился и смирился со мной, когда я

с разбегу, перебрав его неприкосновенные ветки, чуть было не проскочила выше к небу, но успела зацепиться новым платъицем и приклеиться им к вершине.

Аплодисментами вскинулись от неожиданности вороны над головой и долго приветствовали меня стоя.

Я наслаждалась победой, зорко вглядываясь вдаль.

Умиротворённая, спустилась к подножию дуба и по-хозяйски устроилась в его дупле. Но моё внимание привлекла доска, разлученная со своим забором прямо с гвоздями. Гвозди были ржавые, и на доске воинственно проклёвывались их копыя.

Буйная радость выкинула меня из дупла. Вот оно главное испытание, как у Рахметова. Я докажу себе и всем, что мной можно гордиться и любить меня.

Аккуратно и постепенно я стала нацепляться на копыя доски, укладываясь поудобнее. Первую боль догнала радость, и сердце перестало замирать и биться. Восторг унёс меня, и я уже ничего не замечала.

Вдруг что-то мягкое и тёплое шлёпнулось на нос и вернуло меня к действительности. Я вскочила. Фу, глупые вороны, они отомстили мне за свой испуг.

Взглянув на доску, я бережно понесла себя, боясь расплескаться. Торжественно вошла на крыльцо и прошествовала дальше.

Эффект при моём появлении был ошеломляющим. Отец, увидев мое пострадавшее платье, в шоке взялся за ремень и, обращаясь к маме, сказал: «У всех девки, как девки, а у тебя одно недоразумение». Защищая меня от отца и пряча в закуток, мама печально вздыхала: «Навязалась ты на мою-то голову».

Они любили меня по-своему. Но внутри и вокруг пустота и немота.

Я несла себя в подарок родителям.

...17 марта

Станет прошлое мне инквизицией,
Да и завтрашний день – день не мой.
И вся жизнь моя – репетиция...
А премьеры нет ни одной.

10 февраля

Капля сосульки–кап–и разбилась, возвестив весну.
Капля росы – кап – и разбилась, умыв листик.
Капля дождя – кап – и разбилась, оросив землю.
Капля слезы – кап – и разбилась, омыв душу.

6 февраля

Солнышко моё!

Ты поспи немного.
Долог был твой путь,
И трудна дорога.

Спи, родное, крепким сном,
Набирайся силы.
Будет музыка потом,
И восход красивый.

Засияешь снова ты,
Засверкают краски.
Спи, мой кладезь чистоты,
Нежности и ласки.

У завалинки моей избушки, что стоит на берегу пруда, лежит большой камень. Камень, как камень: невзрачный, серо-бурый. Никто его не замечает, и он старается никому не мешать. Но меня нет-нет да и тянуло к нему. Заблестят вдруг потаённо и в миг исчезнут какие-то крапинки, а душу заденут. Оказалось, это зеленова-то-коричневые кристаллики граната со мной заигрывают. Вспомнился тут Куприн и его

«Гранатовый браслет». Захотелось самой себе подарок сделать.

И вот уже который день подряд сижу я и валун долблю. Дачники мимо проходят, диву дивятся, остроты мечут, а то и совсем серьёзно озабоченно на меня посматривают. Но я ничего с собой поделать не могу. Тянет – манит к себе этот камушек, добываю из него зёрнышки. А вечером, как скупой рыцарь, перебираю их, люблюсь и уже браслет на себя примеряю. А зёрнышки все один к одному, только мелковаты будут. Придётся в несколько рядов делать, как нитку бус. А может, лучше чётки? У меня их никогда не было. Свои нервы подтяну, в медитации впадать буду.

Вечером думаю думаю, а назавтра снова долблю, высвобождаю гранатики из плена каменного, собираю до кучки. В город с собой повезу, как только лето закончится. Так до самого отъезда и трепала, не отпускала меня **гранатовая лихорадка старателя**.

Ну вот я и дома. Идёт долгая зима. Греют, согревают меня мои камушки, хоть и спят они, дремлют, ждут, как и я, своего часа.

5 февраля

После бреда

Наша жизнь – это **чётки мгновений**,
Ожерелье нанизанных бус.

Для одних эта жизнь – откровение,
Для других – это цепи из уз.

Миг любви и миг наслаждения,
Миг предательства – тоже миг.
Подлость, низость и вдохновение –
Всё в единстве, всё жизни пик.

Если миг нам падёт озареньем,
Если он чистоту сохранит,
Новым жемчугом ожерелье,
Новой бусинкой удлинит.

Но падет миг холодной изменой
И презрением святости душ,
Жизни нить сократит непременно –
Нам же кажется, всё это – чушь!

Я сижу в горенке. В окна льётся солнце. Я одна. В руках у меня диковинка: в круглой коробочке с цифрами разные колесики с зубчиками. Они завораживают меня, притягивают к себе. Если их покрутить, то они заговорят: «Тик-так, тик-так». Прикладываю к уху и слушаю замирая.

Как много колёсиков для одной игрушки! И я разбираю её. Делаю что-то своё, получается несколько. Я радуюсь этому. **Во мне звенят**

колокольца. Солнышко играет в колёсики вместе со мной.

1988

27 ноября

Огибая острые края,
Мчится в космос мысль моя.
Ей назад дороги не найти:
Далеки у истины пути.

16 ноября

Он явился ко мне неожиданно, как дар с неба. Уже неделю живу на берегу красивого пруда, снимая под дачу летний домик. Пока никого не знаю.

Раннее утро. Часов пять. Шорох, пыхтение, какая-то возня на завалинке под моим открытым окном. Окончательно просыпаюсь. Прислушиваюсь не вставая. Сопение, пыхтение и возня продолжают. Мне представляется, что на завалинке медвежонок устраивается. Выглянула – никого. Посмотрела вниз и застыла от изумления. На завалинке стоял и смотрел на меня мальчуган лет двух. Глаза, как две крупные спелые вишенки, белокурые локоны херувимчика, щёчки с румянцем землянички. И это прелестное создание спрашивает меня: «Ти

ктё?» – «Не знаю», – в растерянности отвечаю я. Он внимательно смотрит и убеждённо говорит: «Ти тётя!» – «Да!» – поспешно соглашаюсь, боясь, что это прекрасное виденье исчезнет. Мало надеясь на ответ, тупо вопрошаю: «Откуда ты?» – «Тям, тям», – машет ручкой мальчуган и произносит восторженный монолог: «Тям – баба! Тям – деда!» Затем неожиданно требовательно и деловито: «Касетя есь? Дяй касетю!» Сообразив, что речь идёт о конфетах, быстренько приношу. Он садится на зава-linkу и на меня больше не обращает никакого внимания. «Можно, я буду с тобой играть?» – робко произношу я – «Дя!» Я вылезаю через окно. Карапуз доверчиво садится мне на колени. Слушая сказку, засыпает. Я баюкаю его, замирая от нежности. (Когда-то мне мечталось, что у меня будет пятеро сыновей).

Мы с ним подружились, он часто убегал от своей бабушки и в самое неожиданное время являлся ко мне.

12 ноября

Белый снег. Без сил, отупевшая, бреду с работы.

У соседнего подъезда **свисают в белоснежных шапочках** алые гроздья рябины. Выхваченные из темноты освещённым окном,

гроздья эти, как бутоны гвоздик, будто падают с неба и рассыпаются красно-белым фейерверком.

Острая радость от красоты пронзила насквозь.

Пятый этаж кажется не таким уж недостижимым.

Многие города со всей Руси Великой сбежались смотреть на Волгу. А сел и деревень – тех и не счесть. Но они хоть всё-таки на берегу остановились: кто на ровном месте расположился, кто на пологом увале устроился, кто на холме вольготно раскинулся. А вот пристани и порты, те вообще по колени в неё забрели. Стоят и любят.

Красива Волга! Вся она из плёсов и перекаатов, да золотых кос песка. Рассыпался он жемчугами и дно усеял. Светла и прозрачна вода перекаатов. Стайки рыб гуляют в серебристых струях, мальки резвятся в тёплых заводях, гребешки на золотых отмелях сидят. На плёсах вода тёмная и более холодная. Там приятно плавать и нырять. Но отдыхать лучше на перекатах. Когда солнце слепит глаза, а зной плавит всё вокруг, хорошо опуститься на **дно мелководья** и лежать там на сыпучем ложе в тишине и про-

хладе, глядя сквозь воду на небо. Покой царит вокруг...

Всё в этой сторонке милое, родное, всё вызывает смутные, но тёплые воспоминания: Плёс, Ярославль, Коломна, Углич... Как будто я выросла здесь.

14–15 июля

Июльский вечер в городе.

Разгар лета. Жара.

Но наступает желанная пора, вечер. Чем бы ты днём ни занимался, какие бы события ни произошли, но вот наступает вечер, и ты в его власти.

Исчезает пестрота жизни, мелькание множества лиц, стирается изобилие информации. Ты начинаешь видеть мир, его краски, осязать запахи, радоваться и восхищаться, впитывать, вбирать в себя все прелести, весь аромат тёплого летнего вечера.

Проходит глухота и слепота дневной суеты.

Вечер особенно хорош часов в одиннадцать – двенадцать, когда природа погружается в дремоту и утихает человеческий гомон. Ничто теперь не скрадывает тонкость восприятия. Слушаешь тишину, упиваешься ею, а глаза не устают вбирать в себя все оттенки, все краски.

Ты одновременно и восторгаешься, и грустишь, умиляешься и тоскуешь. Ты преклоняешься перед этим святым для тебя мигом.

Постепенно тобой овладевает буйная жажда жизни. Возникает острое желание всё успеть, всё постичь и преодолеть. И веришь, что это реально. Вот с завтрашнего дня обязательно всё начнёт сбываться. Только нужно прожить ночь, короткую ночь, когда закат почти сталкивается с рассветом.

Половина одиннадцатого вечера. Сижу на тахте в глубине комнаты. В распахнутом настежь окне, поверх тёмной крыши и светлого силуэта врезавшейся в небо шестнадцатизэтажки, огненной лавой под пепельной дымкой облаков растекаются закатные лучи солнца. Попадая на лазурь вечернего небосклона, они остывают на ней причудливыми золотыми слитками.

Стайки стрижей без прорех стригут светло-голубой воздушный простор, вызванивая победные трели.

За распахнутым окном маячит макушка тополя.

Всё зовёт и манит к себе, отрывает от пассивного созерцания.

Выхожу в парк. Двенадцатый час ночи. В парке тихо и светло без фонарей. Брожу без усталости по аллеям, аллеикам, тропкам и дорож-

кам. Меня сопровождает стрёкот кузнечиков и аромат скошенных трав. Зелень, цветы, деревья неподвижны.

Наконец, присаживаюсь на скамейку в боковой аллее и впитываю в себя тишину, свежесть, неповторимость запахов и красок.

Пустынный парк похож на величавое здание с прозрачным куполом бледно-голубого неба. Стенами ему служат окружающие его дома. Окна – разнообразные по форме и размеру осколки неба между домами. Арена его из пушистого зелёного ковра со всевозможными дорожками, аллеями; с декорациями из деревьев, кустарников, цветов. Сколько простора и прозрачности в этом здании!

Одиночество выдержать этого великолепия не может, и я иду домой.

Осколок лунного диска торчит над лесом.

Возле соседней девятиэтажки, у самой стены, прижались друг к другу ромашка с лебедой. Уютно чувствовала себя ромашка в объятиях лебеды. Беззаботно глядела она на мир своими белокуроыми головками сквозь листву её. И лебеда, сама красивая от этого, старалась быть достойной белого чуда. Оттого им не было страшно вдвоём, хотя над ними нависала громада здания, а впереди угрожающе наступал лес враждебного разнотравья. Ромашка с лебедой смотрели на мир уверенно и спокойно.

В параллелограмме воздушного пространства нашего двора поредевшая стайка стрижей, тревожа устоявшуюся тишину, успевала глотать перед сном последние порции зазевавшихся, не успевших на ночлег насекомых.

За моим раскрытым окном спит тополь.

Светлая прозрачная тёплая ночь.

Мелодия ночи на кассете.

27 января

С первых минут нашего знакомства **какая-то тайна стала витать** надо мной. Эта милая пара, муж и жена, оказались соседями. Наши каюты рядом. Ему и ей где-то около пятидесяти лет. Обходительные и благожелательные, они взяли меня под своё покровительство (молодую девушку, которая путешествует одна). Это были интересные попутчики. Он эlegantен, энциклопедически образован, музыкант и дирижёр. Она – немного попроще. Наша жизнь текла в атмосфере дружелюбия и заинтересованности. Общаясь с ними, я, активный строитель коммунизма, словно возвращалась из начала 70-х годов двадцатого века в девятнадцатый, где всегда мечтала жить. Как никогда, я чувствовала себя на своём месте. Уют и покой владели мной. Но временами чудилась в этом какая-то странность. Слишком было хорошо...

Закат солнца освещает каюту. Завтра мы будем в Москве. Я болею. Он дежурит возле меня, читает книгу, тревожно поглядывая. Жена куда-то вышла. Мы одни. Смутное предчувствие, что сейчас что-то произойдёт, переходит в уверенность. Тревожно жду. И действительно, он вдруг резко встаёт, наклоняется надо мной, и внимательно смотрит. Затем начинает расстёгивать ворот своей рубашки. Не веря, я закрываю глаза. А когда вновь открываю, то вижу большой золотой крест, которым он меня осеняет благословляя. Укрыв крест на груди, он целует мне лоб, руку и выходит. Больше я его никогда не видела...

Возвращаюсь домой на Урал с грустью.

22 октября

Много неотложных дел, но, как назло, ничем заняться не могу. За что ни возьмусь, **всё слизывает музыка**. Голова не работает, руки не делают, ноги не идут, только мечется во мне языками пламени тревожная набатная мелодия, напоминающая что-то. Но что?

Придётся подчиниться ей и прислушаться. Да-да, настойчиво бьют ударные инструменты, и труба зовёт к немедленному героическому действию. Несколько раз идёт повтор. Затем вступает виолончель, приглушая остальные инструменты. В её музыке самоутверждение через

самоотречение, подавляющие страх, пафос, торжество, ликование. Всё это резко обрывается, наступает пауза. Это молчание – как бы дань уважения всему свершившемуся, после чего, словно очнувшись, начинает играть фортепиано. Лётся музыка полного, абсолютного удовлетворения, я расслабляюсь, и в памяти что-то проступает, прорезается,... вспомнила! Я сижу на камне, вся в саже, в изодранном платъице, безвольно опустив руки. Гордая и довольная собой, я отрешённо смотрю на догорающие головни *большого* костровища. Ещё несколько часов назад здесь был сельский магазин, источник многих моих тайных желаний.

Мы, школьники, помогали тушить пожар. Кто магазин отстаивал, кто искры гасил на близлежащих домах и людей выводил... Что-то не припомню ни пожарных машин, ни самих пожарных. Когда это было? Кажется, в классе в третьем.

1984

Эту зиму мы жили вдвоём: я и муха, уцелевшая вопреки воле природы. Каждый из нас занимался своим делом. Муха, когда я уходила, дремала и оживала, когда я возвращалась. Ласково жужжа, муха описывала вокруг меня

немыслимые вензеля, и мы уже не расставались до самого сна. Всюду сопровождая меня, она постепенно смывала своими крохотными крылышками всю незримую тяжесть болезни и одиночества, оберегая каждый мой шаг. И застаревшая смертельная усталость чуть-чуть сдавалась.

Мы привыкли друг к другу. Казалось, так было всегда. И никого, кроме нас, нет во Вселенной.

Однажды я никуда не ушла. Лежала день и другой. Муха дежурила надо мной, недоумевая, а я плавала в жарком полузабытьи.

Я выздоровела, но муха исчезла навсегда.

13 октября

Я затаила дыхание, держа руку в кармашке, там мои сокровища – чечки. Их очень много. Даже если я сейчас зачерпну пригоршню, еще останется. С замиранием достаю одну, зажатую в кулаке. Интересно, какая она: белая с золотинкой или цветная с рисунком. Разжимаю кулак, на моей ладошке жар-птица сидит. Солнечный лучик золотит ей крылышки. Синие-пресиние глаза. Она вот-вот упорхнёт. Бережно накрываю её ладошкой и сажу под кустик травы. Снова перебираю в кармашке чечки и до-

стаю следуюшую. Раскрываю ладошку и вижу, как голубой ручеёк весело перепрыгивает через камушки. Подарю его жар – птице, чтобы не было ей так жарко, чтобы водички могла напиться...

Я играю под черёмухой, окружённой кустами смородины. Пробравшись сюда, сижу на земле и раскладываю чечки, извлекая их из кармашка одну за другой. Вот они все передо мной. Солнечные зайчики сквозь шелестевшую листву ложатся на них дрожащими бликами, и тихие волшебные звуки переполняют меня.

Эти осколки фарфоровой посуды, найденные в земле, калейдоскопом расцветивали мир детства.

Река Белая под Уфой. На кромке высокого берега, закованного в бетон, открытые ветру, солнцу и зною живописные летние домики базы отдыха. Отдельные деревца и низкий кустарник почти не дают тени. Спрятаться от жары можно лишь под тентом, либо под волнами Белой.

Я оказалась здесь неожиданно. Приехала в Уфу в гости к знакомым – и вот мы здесь, на солнцепёке. Все рады, а я изнываю, жду – не дождусь утра раннего или вечера позднего. Люблю я в эти часы побыть наедине, погулять по окрестностям.

Бродя в тишине и прохладе, я слушаю музыку, которая звучит во мне и вокруг меня, ощущая себя инопланетянкой. Нет, не здесь я родилась! Даже мой внешний вид среди черновологого, темноглазого, смуглого окружения выделяет меня – беломраморную, зеленоглазую, с каштаном в волосах. Но я не чувствую себя одинокой, скорее, избранной.

Как-то рано утром, возвращаясь после купания, я столкнулась в калитке с мужчиной. Он не посторонился, не пропустил меня; он стоял и заворожённо смотрел на меня. «Вы кто? Инопланетянка?!» – спросил он странным голосом. Эти слова так созвучны были моим ощущениям, что он сразу покори́л меня...

1983

... апреля

Дела пещерные

Нас, небольшую группу туристов любителей, охватила пещерная лихорадка. Не раздумывая долго, мы отправились в Смолинскую пещеру. Поговаривали, что она закрыта для туристов, опасно, но тем более интересно.

Мы смело атаковали её, расчистив один из завалов, закрывающий вход. О поведении в пещере я владела обрывками слухов и не могла предположить, что она на меня так подействует.

Я ползла по узким проходам, бороздя жижу из глины, в середине группы и была зажата со всех сторон. Сначала я сгорала от любопытства, затем резко и неожиданно пропал интерес ко всему и каждая моя клеточка завопила от страха. К счастью, поблизости оказался тупик, и мы вернулись обратно. К тому времени, когда моя голова высунулась на свет божий, я уже ничего не соображала, из последних сил стараясь не выдать себя.

Пробыв три дня возле пещеры, мы больше ни разу не спускались в неё, уверяя себя и других, что там слишком грязно.

Через несколько лет я попала в одну деревушку и жила там всё лето. В этих глухих местах тоже водились пещеры, и я не могла уехать, не побывав хотя бы в одной из них. К этому моменту уже потускнела память о моей первой пещере. Меня сопровождал местный рыцарь. Он жаждал показать мне один из гротов. Мы спустились на несколько метров вниз и оказались в сухом просторном зале. Я чувствовала себя неплохо, хотя сердце нет-нет да и замирало. И всё-таки восприятие в подземном царстве иное: все чувства обострены до предела. Спутник мой казался ближе и милее. Или он в пещере, действительно, вылутился из деревянной скорлупы и стал ловким, смелым, сообразительным парнем.

Мы так оба расхрабрились, что решили идти дальше. Но нас поджидало другое.

Продвигаясь вперёд, я соскользнула с выступа и упала в щель, которая, сужаясь клином, вертикально падала вниз, в бездну (скатившийся камушек долго не давал о себе знать!) В первый миг сердце моё оборвалось, затем гулко забило в грудь, в виски и в барабанные перепонки, пытаюсь выскочить, и я в полуобмороке впечаталась правым боком в щель. Ничего не сообщая, инстинктивно сжимаясь, я все глубже в неё вклинивалась, пока, наконец, не пришло чувство обречённости и в голове не просветлело. Я поняла, что спасение моё – расслабиться, не шевелиться и молча ждать.

Мой товарищ не растерялся и быстро нашёл выход из положения. Разговаривая и успокаивая, он подобрал камни нужного размера, забил ими щель подо мной, орудуя верёвкой и палкой. С помощью их вытащил и меня. Я без сил распростёрлась возле него, ещё долго ощущая на себе каменные одежды. Но – хвала деревенской сметливости и сноровке! Мой отважный рыцарь выковырял меня из каменного плена.

Самые опасные мгновения, когда теряешь разум. Но самые страшные и невыносимые, когда не остаётся и капли сомнения в неизбежности гибели, а все твоё естество ещё бунтует против этого.

То было моё второе, но далеко не последнее прикосновение к дикому пещерному миру. Причём меня всегда тянули к себе не обустроенные человеком пещеры, а их таинственные сёстры.

Пещерное царство для меня пагубно: во мне не звучит музыка. Но тяга к неизведанному вновь и вновь толкала меня к ним.

... октября

Жерар Филип. Вечно красивый и молодой. Отважный, бесшабашный, мужественный, но мальчишка все свои 37 лет. И это прекрасно! Даже на портрете он само совершенство, божество, идеал мужчины. Одухотворённый жизнью он, конечно, был неотразим.

Его портрет на обложке журнала – мой ангел-хранитель в больной обители. Большие ясные зелёные глаза своим светом ограждают меня. Укрываясь в его лучах, я перестаю замечать измождённые серые лица, кровавые повязки, грубость медперсонала, свои боли. Сквозь доносившиеся стоны проступает жизнеутверждающая мелодия. Она возрождает во мне женщину.

Геленджик. Чёрное море мурлычет возле моих ног. Трётся, ластится. Утром разноцветные тюльпаны на склонах гор; днём – большая черепаха, везущая меня на обед; вечером – звуки «Лунной сонаты», льющиеся из открытого окна гостиной, завораживающий шум прибоя; ночью – яркие звёзды и бархат тьмы. Я возле Новороссийска, в подростковом санатории.

Мы приглашены на вечер дружбы в международный лагерь «Спутник», что расположен по соседству с нами. Вечер, освещённая танцплощадка, музыка. Я стою на границе света и тени. Только что подошла. Вдруг какой-то чёрный великан вынырнул из-за спин танцующих, подошёл ко мне и протянул ручищи с синими ладонями. Бр-р, я затрепетала от ужаса. Но ради своей родины, мира и дружбы народов, я вложила свои ладошки в его холодные, влажные, как у лягушки руки, мило улыбаясь навстречу белоснежному оскалу и белкам вместо глаз. Всё остальное, огромное и вихляющее, сливалось с темнотой. Стоя на месте, монотонно двигаясь в такт заунывному ритму, казалось мне, что я танцую в чёрных объятиях самой ночи. Но как истинный патриот я не могла посрамить своей родины и вынесла это испытание с честью. Мне не в чём упрекнуть себя.

И вновь беззаботное море. Чарующий восход. За ночь море выплеснуло из своих сокровищ столько диковин, что я не устаю бродить по берегу, любуясь ими, их разнообразием, неповторимостью.

Увожу на губах запах моря, вкус черешни и обжигающий поцелуй солнца.

Тёплым солнечным деньком в начале мая, наскоро собравшись, **отправляемся на озеро Таватуй**. У него в гостях мы ещё не были. Неприветливо встретил он нас. Мы свалились ему на голову вместе с крупными хлопьями мокрого снега и порывами холодного ветра. Хмуря свои брови, он накатывал их огромными волнами на берег, обдавая нас брызгами, предупреждая, что не желает никого видеть.

Но мы остались. Тут и обнаружилось, что вместо двух четырёхместных палаток для компании из семи человек взята только одна двухместная палатка. Пришлось набить её нами туго. Постепенно возбуждение всех улеглось, утихли шутки и остроты, каждый уложил, как мог все свои части тела куда-нибудь, пригрелся и заснул. Я осталась одна в плотно укутавшей меня тьме. Устраиваясь удобнее среди рюкзака-

ков, которые, впиваясь, нагло вытесняли меня, я невольно с завистью вспоминала Ноев ковчег. Он носился когда-то по волнам Великого Потопа просторным роскошным дворцом.

Мне не спалось. Этот поход с первых его мгновений озаряла одна единственная мысль: «Он здесь!». Мы давно нравились друг другу, но не признавались в этом даже себе – берегли. Мир светлел и переливался всеми цветами, звеня неустанно, когда мы виделись. Ещё не было ни взглядов, ни слов. Мы лишь замирали от смущения, полыхая румянцем, опускали глаза, не владея не послушными равнодушию голосами.

Его незримое присутствие рядом, необычность обстановки, предчувствие чего-то прекрасного будоражит меня. Я дрожу. То ли оттого, что замёрзли промокшие ноги, то ли ещё от чего. В палатке душно и сыро. Ни зги не видно. Вздрагиваю от неожиданного прикосновения. Кто-то протянул мне куртку. И по тому, как отдергивается чья-то рука от моего плеча, словно от удара током, а меня обжигает, понимаю, что это он. Волна жара захлёстывает и поглощает меня. Я мгновенно согреваюсь. Сердце, замеревшее в первый момент, начинает бешено и гулко биться, сладко отдаваясь в каждой клеточке. Не успевает ещё мгла погасить налетевшую бурю чувств от первого прикосновения, как

последовавшие другие, случайности которых покровительствовала сама тьма, повергают меня в новое смятение. А в подарок к нему – шарфик и сухие шерстяные носки.

О, эта невыразимая прелесть поэзии первых и случайных прикосновений! Здесь радость рождает плач. Грусть чиста и светла. Здесь над внешними неудобствами властвует гармония. Здесь комфорт неуместен, он притупляет остроту шока. Укрытые одной темнотой, мы плывём в дрёме грёз. Утолённо звучит музыка сопричастности друг другу. Нежно солируют кларнет и скрипка.

А за тонким пологом туго набитой палатки, жалко и одиноко стоящей на пустынном каменистом берегу, заносимой тяжёлым мокрым снегом, глухо ворочается и ворчит рассерженный Таватуй, да чавкает, подступая, болотистый лес.

На следующий день мы возвращались в город по сугробам. Шёл снег, его лепил на нас, легко одетых, промозглый ветер. Но всюду со мной заботливо - тревожные большие серые глаза, опушённые стрелами длинных чёрных ресниц. За весь поход мы не проронили между собой ни слова. Скрываемся в разговоре с другими. Наступила пора очаровательного красно-речивого молчания.

... января

Якты - куль

Мы изумлённо замерли. Глубоко внизу среди снежных гор лежало спящее зимнее озеро. Его чаша, окаймлённая нагромождением скал, до краёв была залита лунным светом. Лохматые снежные хлопья бесшумно падали с неба, мягко и невесомо устилая белым пухом и склоны гор, и дно озера. Глубокое безмолвие царило вокруг.

Поражённые красотой, молча застываем на краю лунной чаши. Укрытые тенью выступа скалы мы сливаемся с темнотой, а прямо перед нами в лунном свете опадает непряденными лохмотьями снежная кудель неба и оседает вниз.

Лунное безмолвие в кружевах из снега тихо рождает музыку спящей вечности. Матовый голос виолы медленно наполняет чашу лунного пространства, свободного от снегопада. Мелодия льётся ровно и непрерывно, плавно переливаясь в местах повышения или понижения её на полтона. Она заполняет собой и землю, и небо...

Мой спутник оказался достойным величия природы.

1 ноября

Двое едут в машине.

Медлят, медлят, но едут –

Всё, пора прощаться!

Бросила их в объятия

Необходимость расстаться.

В едином порыве впервые любили

Открыто, без гордости ложной.

Условности смяты,

Смятеньем объяты –

Нет, больше страдать невозможно!

Но тщетны прекрасные

Объятия страстные,

Им не умерить влеченья –

Необходимость,

Неповторимость,

Несовместимость мгновенья!

... июля

Страсть

Лишь только я стала выделять себя из окружающего мира как нечто самостоятельное, мной овладела страстная мечта: промчаться на мотоцикле. Да-да, на нём, благо в период этой пожирающей меня страсти я не знала достойных ему. Такая чудо-машина была у дядюшки, но он дорожил ею больше жены своей и не доверял даже закадычному другу.

Мечта эта несла меня по жизни, освещая мой тернистый путь из детства в отрочество. И как всякая стоящая мечта, она долго не могла осуществиться. И вдруг! До сих пор бьюсь над загадкой, за что, за какие неопределимые заслуги был вверен мне руль моей мечты!

А тогда, быстро выйдя из шока, и заверив дядюшку, что хорошо умею водить, я бойко выкатила «мечту» со двора и остановилась в раздумье, что делать с ней дальше. Я имела весьма смутные представления об укрощении данного чуда, но я уже завладела им и не могла так просто расстаться, равно как и с неожиданным своим авторитетом. И тут меня посетила мудрая мысль, которую я постаралась довести до сведения дядюшки. Идея была такова: так как у меня нет прав, то я довожу машину до околицы, а там уж с ней расправляюсь. Последняя фраза была, конечно, несколько смягчена. Дядюшка даже

умилился. Всё. Дипломатия закончена, мосты безжалостно сожжены, и я с опаской (а дядюшка думал – с осторожностью) держа чудо - машину, поспешила остаться с ней наедине.

За околицей, где тропинки, выбитые копытами мелких и крупных травоядных, так причудливо переплетались между собой, что невозможно было обойти их, не попав к ним в плен, я ближе познакомилась со всеми кнопками, рычагами и прочими неровностями. Гордо восседая, нажимая то на одно, то на другое, устремив торжествующий взор вперёд, я уже была счастлива – так нет, взревев, видимо, от обиды, «мечта» моя рванулась и по одной из тропинок вынесла меня на засохшее болото. Там мирно, на заслуженном отдыхе, дремали коровы и вместе с ними почтенный старичок, их пастух. Каким-то образом, обогнув одну из рогатых и парнокопытных, уютно расположившуюся среди кочек, я помчалась прямо на старичка. И уже было зажмурила глаза, да старичок в последний миг вскочил и бросился бежать. Но не тут-то было, куда он – туда и я.

Чем бы закончилась эта уникальная гонка, трудно сказать, но поблизости оказалась изгородь, а за ней распаханное поле. Старичок с живостью, которая украсила бы любого юношу, оказался на ней, а я за ней, по уши вошедши в

пашню. К счастью, машина за мной не последовала.

Благородный старичок вырыл меня, а так как при нём был его верный посох, то он не замедлил найти ему применение; при этом на меня, помимо всего прочего, сыпались самые «изысканные», самые «нежные» эпитеты. Затем мы разошлись, умиротворённые и немножко уставшие, каждый по своим делам.

Заглохнувшую и насытившуюся победой «мечту» мою, мне удалось благополучно водворить на место.

Встретив через неделю дядюшку, я непринуждённо поблагодарила его, следов от моей поездки на мне уже не осталось.

1969

Восприятие себя в детстве

Общий внешний вид: в огромной жизни я – её новое семечко, которое обязано вырасти в идеал. Жизнь, в которую я помещена, представляет собой бледно-голубую прозрачную полусферу. Она переливается разноцветием, до отказа забита чарующими звуками, наполнена ароматом всевозможных запахов. Я в ней – коричневое тёплое семечко с конопляное зёрнышко, посаженное почти у самого свода правой стороны, возле дна, ближе к передней границе. Соиз-

меримость семечка с полусферой примерно, как маленького пузырька и воздушного океана. Вырастая, это семечко превращается в плод цвета спелой дыни, небольшой, продолговатый. Он тёплый, бархатный, упругий.

Изнутри: я сгусток звуков, красок, запахов, закрученный в тугую пружину мышинового цвета, с точкой в центре. По мере моего роста сгусток будет спирально разворачиваться вокруг этой точки, а полусфера расширяться. В будущем - я светящаяся цветная поющая спираль в бледно-голубой прозрачной полусфере, где устоялись краски, запахи и звуки. Я полыхаю песочно-бежевыми, золотисто-коричневыми оттенками, пахну чистотой и свежестью и звучу колокольцем в разлитой мелодичной музыке.

Вот вам и пища для ума, родные земляне. Дерзайте! Богатое ли тут воображение, неуёмная ли фантазия, яркая ли индивидуальность восприятия или это отклонение от нормы, которую неизвестно кто и как придумал и установил. Но я воспринимаю всё именно так. В обыденной жизни это идёт на подсознательном уровне, и я не замечаю. Только всегда, в любой день, очень быстро и сильно устаю, не зная отчего.

Сегодня вдохновение высветило и озарило всё это, и я переложила на слова только один миг.

Ни музыка, ни краски мне не подвластны!

6 февраля

Взяла академический отпуск. Необходимо сделать передышку, вплотную заняться своим здоровьем; остановиться, оглянуться.

Бывают победы, плодами которых нельзя ни воспользоваться, ни насладиться. Нет сил.

В феврале же, но 1839 года, и не я, а **Жорж Санд с двумя детьми** и больным Шопеном жила вдали от своего Парижа, на Майорке, в Вальдемозской обители, которая представляла собой ничто иное как, развалины монастыря, оставленного монахами. Жорж Санд приходилось делать всё самой: боухаживать за больным Шопеном, готовить пищу, ходить по лавкам, гулять с детьми и в то же время писать роман «Спиридион», переделывать «Лелию». Сколько же нужно иметь энергии, доброты, терпения, таланта!

Какая самостоятельная, независимая женщина, пусть иногда и вольно ведущая себя. Талант или гений всегда требуют неординарных поступков. Из всех её мужчин жаль почему-то только сурового красивого швейцарца Шарля Дидье – ботаника, альпиниста, поэта. Видимо, потому, что я о нём ничего не знаю, не читала его стихов.

Некоторые произведения Жорж Санд интересно перечитывать после знакомства с её богатой биографией. Другое восприятие. Расширяются рамки чувственного видения происходящего.

Амантина - Люсиль - Аврора Дюпен родилась первого июля, вечером, 1804 года. Аврора Дюпен, Аврора Дюдеван, Жорж Санд – таковы её превращения. Жорж Санд умерла восьмого июня 1876 года, подарив себя при жизни многим счастливицам, оставив нам свои произведения...

Передо мной общежитие, в котором я живу. Я не создана для коммуналки, хотя сама из большой семьи. Втаскиваю себя на крыльцо.

1968

Этим летом судьба забросила меня в небольшую деревушку среди еловых лесов. Несколько избушек было разбросано по обе стороны мелкой речушки, скорее, ручейка, который с одной стороны терялся в лесах, с другой – убегал на поля, огибая крутой высокий косогор, покрытый только травой да полевыми цветами. С его вершины, как с горы, было видно далеко вокруг до самого горизонта. Каждый раз, отправляясь куда-нибудь, я взбиралась на него и

там намечала маршрут, определяя по компасу азимут. А потом свободно бродила по незнакомым местам, собирая ягоды, грибы, просто любуясь, составляя карту покорённых троп.

Было у меня одно заветное местечко, вверх по ручью, где он распадался на два рукава, омытая небольшой островок и снова соединяясь. Одна часть островка была пологая, с песчаным берегом, другая – обрывистая и плоская, где росло несколько небольших елей и берёзок. Среди них была чудесная полянка с ромашками и васильками такой невиданной красоты, что я заболела, не видя их хотя бы день. И где бы меня ни носили ветры странствий, я заглядывала сюда непременно и подолгу задерживалась – отдыхала, купалась, загорала. Здесь я чувствовала себя, как Ева в своих райских кущах. Сбросив надоевшие одежды, я наслаждалась свободой движений, отдавая солнцу, ветру и воде всю себя.

С появлением Адама в моей лесной жизни многое изменилось, даже восприятие мира. Он стал реальнее, уже, мельче, тревожнее, приземлённее. Видимо, такой Адам уродился. Исчезла безмятежность, но спокойнее стало гулять, где я хотела, не боясь заблудиться или подвергнуться опасности, возвращаясь далеко за полночь.

Однажды тёмной ночью мы шли по дороге, которая лежала в ржаном поле и высокие коло-

ся почти скрывали нас. Я была впереди, мой Адам сзади, освещая путь фонариком. Вдруг в воздухе что-то зашумело и какие-то длинные серые тени набросились на меня и захлопали по голове крыльями. Мой Адам пришёл на помощь. Оказалось, что это летучие мыши. Я их видела первый раз – неприятные создания! В другой раз мы заблудились и нам пришлось заночевать на моём острове, жаря на костре выловленных майкой Адама пескарей. А потом спастись от дождя под ёлкой.

В августе, с началом звездопада, мы отправились на косогор, ловить звёзды, выбрав самое высокое, открытое место. Лежа на теплом овчинном тулупе, запрокинув головы ввысь, мы стали ждать. Вот темнота поглотила землю и высыпали звёзды. Сначала – крупные, яркие, их становилось всё больше и больше. Затем проявились, стали видны маленькие звёздочки, а за ними вызвездился и весь Млечный путь.

Накрытые огромным куполом небосвода, сверкающим бриллиантами звёзд на чёрном бархате ночи, мы оказались центром Вселенной. Она в вечном своём движении медленно вращалась вокруг нас, завораживая, изумляя. Мы с Адамом бродили среди звёзд молча, каждый отыскивал свою, подолгу гуляя то в одном, то в другом созвездии. Вот упала первая звезда, но мы ничего не успели загадать. Почему звёзды

так стремятся попасть на Землю, сгорая на пути своём? Вот ещё одна звезда упала и закатилась за лес. Может быть голубая красавица Земля – их родина, на которую ни одна из них никак не может вернуться из холодного безмолвного космоса. Но, падая и разбиваясь одна за другой, они предпринимают всё новые и новые попытки. А мы ещё требуем от них исполнения наших желаний.

Мы с Адамом всю ночь ловили звёзды, чтобы им не так больно было падать...

Два букета – один из ромашек, другой из васильков – теперь гостят у меня, радуя своим присутствием, – прекрасные зеркальные осколки промелькнувшего лета, отражённого в них. Чтобы не завянуть, выстоять холодную зиму, они заранее запаслись теплом впрок, прожарившись под тонким слоем мелкого речного песка в русской печке.

4 июня

В тысяча девятьсот трудный год, в марте месяце родилась я. Зачем?!

Моё появление было несколько необычным. Шёл снег, было морозно. Вокруг простиралась безмолвная снежная степь, да кое-где мелькали колки, то есть рощи. Лошадёнки бежали из последних сил. Стояла звонкая тишина.

Вечерело. И вдруг в этот мир ворвался требующий к себе внимания голосок. Это я подала заявку на жизнь. И её приняли!

Мы разбили стоянку на самом большом острове. Место оказалось не очень удачным: топкий берег, низина, поросшая кустарником и хилым березняком. Но наступала ночь, поэтому решили заночевать здесь. Завтра поищем что-нибудь более подходящее.

Было сыро, к тому же моросил нудный дождь. Все сидели у костра, поужинав и делясь впечатлениями о первом дне похода. Постепенно возбуждение улеглось, и всех стало клонить ко сну. Пора назначить дежурных. Нас в группе было восемь человек, и все парами, кроме меня – руководителя да одного джигита, который появился у нас на работе совсем недавно. С нами он впервые. И мне придётся с ним дежурить, причём всю ночь. Я поступила опрометчиво, не взяв палатки, надеясь на лодки. Но они рассчитаны на двоих. О себе не подумала! Так и быть, посижу лучше у костра с молодым горячим джигитом. Все разошлись довольные.

Дождь перестал. Выплыла огромная жёлтая луна, притушив пламя костра. Молчим, сидя друг против друга. Но он возбуждён от напитка,

от великолепия ночи, от того, что мы вдвоём. Он мне и раньше оказывал знаки внимания, но теперь его взгляды слишком красноречивы. Становится опасно. Его нужно чем-то занять...

Мы всю ночь катались на лодке, не приставая к берегу. Исследовали озеро. Оно оказалось небольшим зарастающим водоёмом с двумя протоками и болотом, в котором было ещё два озера. Окрестности очень красивые, попадаются совсем дикие уголки, много островов. Это и есть Шитовское озеро, к северу от Свердловска.

Сегодняшний звонок из прошлого воскресил ту лунную ночь.

1962

Осень. Что-то хрупкое, прозрачное, цветное несёт она в себе. Что-то светлое и грустное, что-то тёплое, как колыбельная перед сном. Что-то спокойное, созерцательное, задумчивое.

Я люблю осень при любой погоде. Она мне как подружка, принимает меня такой, какая я есть. Не губит изнуряющим зноем, как лето. Не подхлестывает буйством жизни, как весна.

Осень – это вечер, а значит отдых. Зима – ночь, сон. Весна – утро, пробуждение, переход к

активной жизни. Лето – это день, где ты принадлежишь всем, хотя никому не нужен.

Осень – это как последняя реликвия каждого прожитого года, где всё особо чтимо и дорого.

Моя осенняя музыка прозрачна, чиста, умиротворённа.

1961

Почему татарник воспринимают как сорную колючку и только, которую непременно надо сбить, затоптать, переехать. И название какое-то пренебрежительное, словно кличка. Почему им никто не любит, не ставит букет.

Вглядитесь-ка, какая гордая осанка, какая нежная цветовая гамма самого цветка, какая зелень его dospехов! А какой медовый дух! Пчёлки любят пригубить его нектар, легко прикасаюсь, не раня. И он с ними дружит, не колет.

Что-то родственное чудится в нём: та же уязвимость, запрятанная в рубища, гордость недоτροги, страдающей от грубых прикосновений, беспризорность и неприкаянность. Теплеет сердце, когда видишь полыхающие сиреневыми оттенками головки татарника.

Тяжело постоянно держать наготове свои колючки и не черстветь душой!

Как передать музыку сиреневых всполохов этого прекрасного дикаря? Зачем сюда просится мандолина?..

1960

Я люблю всё естественное, созданное самой природой, самой жизнью, а не выпестованное человеком. Мне это ближе. Мне теплее от луговых цветов, чем от садовых, милее простой деревенский кот, чем декоративная кошечка. Среди всевозможных пород собак беспородная дворняжка самое универсальное, самое совершенное, самое преданное создание. Неизбалованное вниманием, в ответ на ласку, это существо отдает всё своё собачье сердце.

Я бы не хотела быть втиснутой в какую-нибудь породу: ни охотничьей собакой, которая травит, ни болонкой, которой забавляются. Лучше быть самой по себе, как дворняжка, ведь каждая из них неповторима.

1958

Мне нравится наш учитель физики. Умный, подтянутый, всегда хорошо одет. Со всем не похож на остальных. Уроки ведёт интересно, толково. Вообще мне очень нравится физика. Я чаще всего знаю материал наперёд.

Какой он молодой, почти наш ровесник. Все девчонки говорят, что он красивый. А мне нравится, что он интеллигентный. Его руки, как у Арамиса, а длинные пальцы с мелом трепетно порхают по доске, когда он пытается нам что-то объяснить. Ему бы подошло быть дирижёром или музыкантом. Он ведёт ещё у нас кружок телеграфистов. Когда он отстукивает что-нибудь азбукой Морзе, склонившись над аппаратом, то похож на композитора Листа, исполняющего свои произведения. Я это видела в какой-то книжке, на картинке.

Вот уже несколько дней его нет в школе, говорят, болеет. Интересно, каким он бывает дома?! Сегодня я подговорила одну девчонку из нашего класса сходить к нему домой.

Лучше было бы не ходить! Какая-то обычная комната. Он без галстука, в свитере стоит у электроплитки, достаёт своими длинными, изящными пальцами из мутной воды миски нарезанную картошку и бросает её в кипящую воду в кастрюле, стоявшей на плите. А при этом ещё и шмыгает. У него, оказывается, обыкновенный насморк. Волосы, прямые, длинные,

жидкие, спадают в беспорядке на мокрый лоб. Он что-то загнусявил, увидев нас. Я даже попятилась от такого вида и постаралась побыстрее исчезнуть.

Вечером я пошла на каток, вернее, на речку кататься на своих самодельных коньках. На настоящий каток ходить с такими коньками мне стыдно. Я всегда одна катаюсь. Но сегодня, подходя к речке, я увидела, что там кто-то есть. Каково же было моё изумление, когда я узнала одного мальчишку, которого я изредка встречала в нашем городке, хотя он живёт где-то не здесь. Странные у нас с ним отношения. Мне всегда хочется видеть его, но при встречах я, как всегда, язвлю, задираюсь, пытаюсь вывести его из равновесия, потому что он обычно невозмутим и спокоен, хотя краснеет при мне, как красная девица. Первый раз я его увидела в доме Пионеров, где мы собрались все вместе, кого за хорошую учёбу отправляли в Свердловск на экскурсию. Я сразу обратила на него внимание, так как он выделялся среди городских мальчишек простотой и не кривлялся, как они. Они сначала задирали его, но он так достойно дал отпор одному из них, что они к нему больше не приставали. В тот раз я играла с мальчишками волейбольной камерой и

порвала её. Он с нами не играл, но взял вину на себя. Я была ему очень благодарна, но не показала этого, а, наоборот, что-то съязвила, заявив, что сама постою за себя. Я думала он рассердится, а он пожал плечами и отошёл. С тех пор мне всегда хотелось его видеть, но делать ему всё назло, чтобы он рассердился, чтобы показать ему, что я вовсе в нём не нуждаюсь.

В основном дружу с мальчишками, я с ними наравных. Девчонки не нравятся. Они какие-то скучные – куклы, тряпки, сплетни, охи, вздохи. То ли дело ребята!

Этот мальчик особенный, и мне хочется с ним быть такой, какая я есть на самом деле, а не дерзить.

И вот он рядом и невозмутимо катается. Я с трудом заставила себя спуститься на лёд, почему-то дрожали очень коленки, я чуть не упала, хотя катаюсь не так уж плохо. Он узнал меня: «Здравствуй!». Мы катались весь вечер и молчали. Я сегодня самый счастливый человек на свете!

С л е д у е т у т о ч н и т ь

Данные наброски, сделанные в своё время только для того, чтобы не мешали жить, не были ни для кого предназначены, в том числе и для меня. Но случайно собранные воедино, они, обрывистые, частичные, мимолётные, вдруг так чётко высветили незримую сторону моей жизни, что невольно задаёшь себе вопрос: «Что было истинно в моей судьбе обывательницы: конкретные дела, навязываемые действительностью, или сотканные из музыки и цвета, глубоко запрятанные миры?».

Настроения, когда звучали мелодии, полыхали краски, зрело и наливалось слово, тлели во мне постоянно. Сколько помню себя, – это было мое обычное состояние. Оно и определяло способ моего существования в реальной жизни. В любое время, в любом месте, в любом окружении можно было нырнуть в глубь себя и плыть в прекрасное, отдаваясь течению импровизации, по волнам музыкальных ритмов. И не ведомо, что будет впереди?! Обрастёт ли ритм мелодией – и я буду петь; зазвучит

ли музыкой инструментов – и я заслушаюсь, играя; закружит ли выразительностью движений – и тогда танец или пляска, балет или пантомима унесут меня с собой; даст ли в руки краски и кисти – и я начну рисовать; позовёт ли к театрализованному представлению, где все роли мои, – и я сочиню сценарий, займусь постановкой, создам декорации и костюмы.

Иногда такие настроения сквозь броню повседневности вырывались наружу. Но она не оставляла для них ни времени, ни способностей, ни сил. И чтобы побыстрее избавиться от них, я на бегу усмиряла их словом, то остужая сюжетом не по теме, то слепо угождая их диктату. И, ложась на бумагу словесной шелухой, они оставляли меня в покое. Если обстоятельства не позволяли и этого, вырвавшиеся из неволи настроения долго мучили меня, засоряя и усложняя мою жизнь, выливаясь в разного рода авантюры, протесты, выпады, переходя в яркие абстракции и в причудливые цветные сны.

Голый текст тех настроений без музыки и цвета, но продиктованный ими, теперь мало понятен и мало что значит. Он лишь обнажает всё несовершенство слога. Но сохранившийся, к счастью, в первозданном черновом виде, не прикрытый обязательными для публики одеждами, не стеснённый и не испорченный ими, естественный и простой, чистый и наивный, искренний и правдивый, хотя и подёрнутый с высоты времени дымкой, он позволяет заглянуть в мастерскую мысли и понять, как и на каком языке думаю я – русская провинциалка советского периода, далёкая по своему воспитанию и образованию от всех девяти муз.

Если бы каждая страница этой рукописи вдруг зазвучала музыкой, что мучила меня в те мгновения, каким бы выразительным получился мой музыкальный пор

Содержание

<i>Эпиграф</i>	5
<i>С л е д у е т з а м е т и т ь</i>	6
«Всё возвращается на круги своя...»	8
«Августовский серый вечер...»	9
«Что года?! Ерунда!»	17
«...стражи из сосен...»	18
О том, как я печку построила	19
«...курьёзный случай...»	23
Болотная история	25
«Будучи солнечным зайчиком...»	29
«...подтверждённый временем гений...»	29
Гроза прошла, парит и сыро.	31
«Защити меня от меня самой...»	33
Пруд ждет	33

«Моему юному другу плохо...»	34
Недоразумение	35
только к двенадцати годам.....	35
«Солнышко моё!..»	40
«...гранатовая лихорадка старателя...».....	40
«...чётки мгновений...».....	41
«Во мне звенят ...».....	42
«Он явился ко мне неожиданно...».....	Ошибка!
Закладка не определена.	
«...свисают в белоснежных шапочках...».....	44
«...дно мелководья...».....	45
«Июльский вечер в городе...»	466
«...какая-то тайна стала витать...»	499
«Эту зиму мы жили вдвоем: я и муха...»	51
«Я затаила дыхание...».....	52
«Река Белая под Уфой...»	53
Дела пещерные	54
«Жерар Филип...».....	Ошибка! Закладка не
определена.	

Геленджик.

58

Якты - куль	622
«Двое едут в машине...».....	633
Страсть	644
Восприятие себя в детстве	666
«Взяла академический отпуск...».....	688
«...Жорж Санд с двумя детьми...».....	688
«Этим летом судьба забросила меня...».....	69
«Моё появление...».....	72
«Мы разбили стоянку...».....	733

Осень. Что-то хрупкое,

74

«Почему татарник воспринимают...».....	755
«Я люблю все естественное...».....	766
«Мне нравится наш учитель физики...».....	767
«Этот мальчик особенный...».....	788
<i>Следует уточнить</i>	78